

Вера ХАРЧЕНКО

«ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ХОХОЧЕШЬ? ХОХОТАЙ! ХОХОЧЬ!»

О детской речи — серьезно!

А ведь и правда, детская речь со времен знаменитой книжки К. И. Чуковского вызывает улыбку, и в недрах каждой семьи, имеющей или имевшей когда-то малыша, хранится тот или иной детский перл. Почему и мы начинаем повествование с детских шуточек-штучек, коих можно привести множество, хотя речь пойдет не только о них.

У Вити начался зубопад! Мальчик зовет Бима, а он занюхался и не слышит его. Кузнечик, наверное, очень жирно наелся и не смог прыгать. Вам прическу сделать дыбом? Давайте я ваше дышанье проверю... Да, дух нормальный, и сердце бьется. Жалко, что воскресенье только одно. Хорошо, если бы после воскресенья было восьмисень, девятисень, десятисень... У меня не безвкусные колготки, а очень даже вкусные. Я так проголодался, что сейчас умру от аппетита. Это цвет морской волны. — Болотной волны! А бывает пуленепробиваемая косметика? Это бабочка, а это ее детки — бабятка. А как корову доить? Ей же не дашь ведро и не скажешь: «Дой в ведро!» (После объяснения) Тянут груди? — Концерт будет на площади. — Дети кричат будут? — Какие дети? — А у нас в садике, когда дети кричат, воспитатели говорят: «Концерт устроили!»

Детский юмор хорошо делится на две части: преднамеренный и непреднамеренный, и в отношении непреднамеренного, примеры которого приведены выше, русскому ребенку повезло более, нежели его сверстникам из других стран. Попробуйте поставить в родительном падеже множественного числа, к примеру, слово *абзац*. *Абзацей? Абзац? Абзацов?* И все не то, все не так, пока не высветится правильное: *абзацев!* Ну, ладно, возьмем более легкое слово: *карандаш*. *Карандашов? Да нет же, карандашей!* Так что и здесь нам есть что исследовать!

Детскую речь тщательно изучают во всем мире, причем как в индоевропейских, финно-угорских, семитских, тюркских, китайско-тибетских языках, так и на материалах австронезийских языков, языков майя, кечумаран. Ученые установили, что в речи детей отражается **этапность** развития языка. Парадоксально, с какой частотой ребе-

Вера Константиновна Харченко родилась в Калинин (Тверь), окончила Новосибирский педагогический институт и аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета. Автор более 600 научных работ и пяти поэтических сборников. За двухтомный «Словарь богатств русского языка» в 2004 году удостоена медали ВВЦ (ВДНХ). В журнале «Знамя» в 2006 году опубликовала статью «Русский язык: бедность или богатство?». Живет в Белгороде.

нок, создавая свои слова, угадывает, улавливает, дублирует, повторяет слова и значения, **некогда существовавшие в языке** и зафиксированные в исторических словарях. Редко кто из детей не назовет белку *белой*, земноводных животных *водоземными*, не скажет об игре *играше*. Подобные совпадения детских слов и языковой архаики тем более красноречивы, что общий запас слов у ребенка, подчеркнем, невелик. Приведем другие примеры на совпадение: *плитный, вывлечь, выскок...*

Но есть и другие типы совпадений. Есть совпадения детской речи с **диалектизмами**: *куплять, лъзя, молоковый*. Есть совпадения с **другими славянскими языками**: *спаситель* в детской речи и в болгарском языке. Интересны совпадения детской речи **со словами из художественных и публицистических текстов**: в детской речи *утреет* и у А. Блока, *светлота* в детской речи и у Н. С. Лескова, *тихость* в детской речи и у Б. Шергина, *упадать* (и у К. Д. Ушинского), *глубокость* (и у В. Г. Белинского). Есть некоторые совпадения с **ошибками лиц, изучающих русский как иностранный**: *проснуйтесь, рисоваю, возьмила*.

Конечно, таких совпадений немного, но они открывают потенциальное в языке, тот фонд, благодаря которому язык живет и действует. Лингвисты, изучающие детскую речь, оказываются дружнее остальных лингвистов. Об этом говорят те, кто побывал в дальних странах. Однако и к нам едут. И надо сказать доброе слово о человеке, привлечшем многих (и меня тоже!) к изучению детской речи. Это санкт-петербургский ученый Стелла Наумовна Цейтлин, доктор наук, профессор, трудами которой были организованы в свое время кафедры детской речи и появились подвижники изучения языка ребенка. В Орле и Белгороде, Череповце и Екатеринбурге, Москве и Воронеже — у нас есть на кого опереться, есть с кем сотрудничать. Каждый год в Санкт-Петербурге организовываются конференции по детской речи, на которых обсуждаются самые животрепещущие вопросы. Одним из таких вопросов стало двуязычие детей. Образовался Центр билингвального и поликультурного образования, на заседаниях которого обсуждается проблематика двуязычия: хорошо это или плохо, отстают такие детки в развитии или, напротив, опережают монолингвов, какие методики используются при изучении степени билингвизма и пр.

Однако немало у детской речи проблем как старых, так и новых. Это **ситуация с детьми-индиго**, требующими внимания и заботы. Ждем автобуса ехать на пляж. На скамейке немолодой сухощавый мужчина лет 60. Женя тут же начал выстраивать диалог: *А вы где живете? — В Сочи. — А почему же вы здесь сидите? — А я к сестре приехал*. Дошкольники моего поколения с такой легкостью в общение с незнакомыми не вступали. Считается, что появился новый тип детей. Не все с этим согласны, но и не учитывать, что перед нами нечто новое, тоже нельзя. Актуальным остается, **как влияют мультфильмы на речь детей**, и прежде всего замечательный сериал «Лунтик и его друзья». За раскраской: *Каким ты это будешь? — Не знаю пока. Разберусь. А уши у Лунтика сделаю розовым. — Сиреневым. — Ну, тогда синим. Он же похож на сиреневый*. Старший брат цитирует мультфильм: *Я твоя совесть! Я не могу тебя оставить без покоя! Я твоя совесть!* Младший в ответ: *А я твоя еще одна совесть!*

Далее, острой темой становится **отсутствие общения sibлинг** (братьев и сестер). Все злободневнее становится ситуация с детьми, «общающимися» в основном с мониторами, **живущими в виртуальной реальности**. Родители перегружены? Конечно, перегружены, но, согласимся, не более чем наши предки!

Проблематичным остается отсутствие **большого, многотомного словаря детского языка**. Да, многие слова встречаются один-единственный раз, но есть и такие, которые свойственны практически всем детям. Объединить бы их в одном издании! Это была бы детская вселенная в алфавитном порядке. Тогда бы и легче было находить

соответствия, о которых мы вели речь выше, и находить аналоги высказываний собственного ребенка, да и просто читать, восхищаясь (да-да, восхищаясь!) потенциальным богатством русского слова. «Все на свете должно превосходить себя, чтобы быть собою», — проницательно заметил Борис Пастернак.

Увы и ах! Детские слова быстро забываются, и это понятно почему. Мы за долгие-долгие годы сформировали фонд правильных слов, который нам диктует свои правила и который безжалостно стирает из памяти все неподходящее. Поэтому предупредим родителей или тех, кто смотрит за детьми: записывать лучше сразу, как прозвучало слово, записывать лучше целую фразу, наконец, не ленитесь ставить дату (включая и год), тогда ваша запись станет документом. В любом случае она будет прочитываться с большой благодарностью уже выросшими детьми. Ну и точность записи, конечно же, почему лучше не откладывать, фиксировать сразу же.

Наблюдая и опекая детей, мы открываем себя с неожиданной стороны. Психологи проводили эксперимент, изучая поведение детей в процессе игры. Выяснилось, что десять процентов детей «ошибались»... в пользу своих партнеров. Значит, рассуждения о повальном детском эгоизме, эгоцентризме требуют корректировки?

Математики выяснили, что около семи лет ребенок открывает для себя обратимость и транзитивность, рекурсивность и взаимное соответствие отношений, включение классов и сохранение числовых ансамблей, однако для квалифицированного использования возможностей человеческого мозга необходимы лонгитюдные исследования, то есть многолетние наблюдения от младенчества до взрослости.

Конечно, «размеры» белых пятен различны: иногда это солидные пространства, а иногда сравнительно узкие территории. В 1949 году в блестящей статье, посвященной, выражаясь сегодняшним языком, коммуникативной грамматике, прагматике, психолингвистике и социалингвистике слов *питеньки, гулятьеньки, спатеньки, потягунюшки* в так называемом языке нянь¹, Н. В. Касаткин выдвинул идею **терциарной речи**. «Речь, обращенная непосредственно к одному слушателю, но рассчитывающая и на другого слушателя, и является терциарной речью». Слово обращено, конечно же, к ребенку, но еще и к тем, кто находится рядом, но не участвует в одевании или кормлении малыша. Происходит, по мысли Н. В. Касаткина, социализация действий, приглашение других лиц поучаствовать в простых делах самых маленьких. Но и это еще не все. Слова *питеньки, гулятьеньки* и подобные являются и существительными, и глаголами, они приглашают ребенка в социум, мягко напоминая, что жизнь — хорошая штука.

Расскажем еще об одном исследовании детской речи. Мы попытались применить методику коврового считывания, когда фиксируются — подряд! — абсолютно все непопадания в норму. Нельзя не согласиться, что любое исследование языковой непрерывности, «кисельности», если оттолкнуться от метафоры, принадлежащей известному биологу Н. В. Тимофееву-Ресовскому («некисельность жизни»), уже будет значительным шагом вперед, поскольку традиционный анализ фактов строится на их обособлении, то есть опирается прежде всего на дискретность. Но «шаг вперед» сделать весьма трудно, поскольку надо искать новые приемы анализа сливающегося, целостного в своей динамике и вариативности объекта.

Приведем ковровые (континуальные) фрагменты речевых ошибок двух братьев, шестилетнего Льва и трехлетнего Жени, допущенных в течение нескольких часов наблюдения. Знаком # помечены границы отдельных записей.

¹ Касаткин Н. В. О лингвистическом своеобразии языка, употребляемого в речевом общении с младенцем // Учен. зап. Томского гос. пед. ин-та. Т. VII (серия гуманитарных наук). Томск, 1949. С. 108—115.

На прогулке. Лев: Баб, на том камне много насекомых, **включая** муравьев. <...> Я понял, что **самых частых** (распространенных) животных очень интересно изучать, а не самых редких. Они разного цвета, разной формы. # Женя: Я тебе **растеру** мобильник (ваткой от тополиного пуха). Брату: Я тебе **протеру** руку. # Лев: Баб, а я видел, как **тополиный пух догоняет муху**. # Я: Корни обнажились. Лев: И потому они **высунулись** из земли? # Лев: Что, когда тополь цветет, надо все **прожаривать** (просушивать пальто, одеяла, ковры)? # Женя: Можно мы **разденем шапку** (снимем панамку)? # Я: Слышите, запахло борщом? Борщ кто-то варит. Лев: Только надо говорить не «слышите», а «чуete» или «чувствуете борщ?» # Лев: Баб, а как **появляются** дащи? # Лев о соловье: У него разные **коленья** (колена в пении). # Женя: А мы уже **сколько часа** гуляем? # Я в белом костюме. Женя: Баба **пришла врач** (врачом, как врач)! # Женя отцу: А ты **стоял** когда-то на поезде **стоя**? # Лев дома кормит черепах. Женя: А Лева что ест, **корм**? (29 мая 2009 г.).

Я: Елка моя (сосновая ветка) не пахнет. Лев: Или **нюх сорвался** (испарился). # О Лялиной кошке Лошадке. Я: Женечка с Лошадкой познакомился. Женя: Но она убежала. **Так нечестно!** # Я: Попить дать? Хочешь компотику? Женя: Хочу! Компотику! Отличная идея! Баб, спасибо, что дашь. **Хорошая идея**, я хочу компотику. # Женя: Я сплю **одновременно с открытыми глазами**. # Женя: **А компот и варенье чем отличаются, баб, я забыл?** # Лев смотрит книгу: Смотри, какую газель **растрепал**. # Лев: Я ее **на вид** могу узнать (по виду) (1 января 2010 г.).

Женя: Я не хочу ездить на Ерик: там не так **смело** (не так страшно, не так опасно лазить по деревьям). # Я: Дай 10 рублей: я подую вентилятором. Женя: **Пять тысяч тысяч** я тебе дал. # Женя: **На каком ты свете живешь?** — Что ты имеешь в виду? — Ничего я не имел в виду! Я просто спросил, на каком ты свете живешь. # Лев: Можешь опять мне конем **угрожать**. Я побью его все равно. # Я повторно: Жень, подари мне эту картину! Женя тоже повторно: Хорошо! **Да сколько раз говорить: хорошо да хорошо!** # Женя: Все разрушилось **от динозавров** (из-за динозавров) (6 января 2010 г.).

Из приведенных трех отрывков видно, какое расколосье «ошибок» обнаруживает подряд-фиксация. Осознавая как трудности, так и необходимость изучения «живой» детской речи, поделимся некоторыми полученными в ходе исследования результатами.

Во-первых, такой подход раскрывает панораму усилий детского языкового сознания **по овладению языком в целом**, обнажает процедуру усвоения всего языка, что заставляет более снисходительно реагировать на ошибки и более убедительно воспринимать русский язык как наитруднейший. Приведенные фрагменты типичны своей пестротой, многообразием проявлений «детскости» речи, начиная от подражания «взрослым», причем письменным, оборотам речи, **включая муравьев** и кончая непреднамеренной метафорой «корм» о пище. Такая открытая пестрота непопаданий может иметь, повторим, прикладное значение. Поскольку ребенок овладевает «сразу всем» в языке, мы должны более лояльно, более терпеливо реагировать на неизбежные непопадания.

Во-вторых, континуум детских непопаданий в языковую норму обнажает **соседство усвоения языка** (*разрушилось от динозавров, конем угрожать*) и **запечатления** (импринтинга) языка: *Да сколько раз говорить..., Так нечестно! Хорошая идея, баб, я хочу компотику! Ничего я не имел в виду! Я просто спросил...* Точнее, такой подход позволяет вписать механизм запечатления, найти ему достойное место в традиционном авторитете обучения и самообучения языку. Детская речь выступает как процесс получения знаний и как результат, то есть сами знания. Проявляется это в сочетании эффекта обучения, усвоения языка, языкового дрессинга, эффекта «школы» и вместе с тем эффекта импринтинга, запечатления готовых форм, блоков. Одновременно фиксиру-

ются примеры детской образности, детской логики, детских реминисценций, детской цитации взрослых реплик и тех же песен, стихотворений.

В-третьих, именно ковровый анализ «всех» непопаданий позволяет в таком сочетании усвоения и «фотографирования» языка обратить внимание на следующие два момента. Первое: **само усвоение аритмично и асимметрично**. Некоторые весьма трудные, на взгляд наблюдателя, слова (например, актуальные для современного дитяти названия динозавров или та же компьютерная лексика) усваиваются на порядок быстрее ожидаемого, тогда как целый ряд словоформ остается упорно встречающимся камнем преткновения, образуя группу долгоиграющих ошибок и формируя проблемные зоны в пространстве детской речи. Например: *вытрел* (вытер). И второе: **факты запечатления реплик тоже чреваты «непопаданиями»**. Детское мышление оставляет здесь свои следы: *Да сколько раз говорить: хорошо да хорошо... На каком ты свете живешь?*

В-четвертых, прием коврового считывания дает возможность исследовать **общение братьев**, в частности языковую игру. Младший учится у старшего, который под настроение поправляет, корректирует произношение или употребление слов и в то же время который не прочь поиграть в «малышовую» речь, повторяя за младшим братом полюбившиеся слова.

В-пятых, было обнаружено, что образный слой детской речи насыщен **преднамеренными сравнениями и непреднамеренными метафорами**, но не наоборот: непреднамеренными, на автоматизме, автопилоте, сравнениями и преднамеренными метафорами. Для последних еще не хватает «запаса синтаксиса». Детская речь может стать весьма плодотворным пространством изучения «воображаемых миров». Игра дарует большую свободу языку, почему и наблюдаются гирлянды «непопаданий» в стремительном развитии игрового действия.

В-шестых, уже на перспективу: ковровые срезы позволяют провести исследование «годовых колец», например, словотворчества или формотворчества, выявить динамику этих процессов, сопоставить количественные выкладки.

Нет-нет, мы еще только приступили к исследованию горизонтальных срезов детской речи, и приведенные данные являются предварительными, требующими проверки и доказательств, скажем, на материале других детей. Нам важно сейчас подчеркнуть острую необходимость пребывать рядом с детьми, пока они еще дети.

Мы выше вели разговор о словарях детского языка. В книге «Искусство создания словарей» есть любопытное высказывание Сэмюэла Джонсона (1747 г.), который сравнивал словари с часами: «Словари подобны часам: обладать худшими из них лучше, чем не иметь никаких: но и о лучших из них мы не можем утверждать, что они абсолютно точны». Чувство неудовлетворенности охватывает составителя словаря детской речи еще и потому, что в отличие от нормативного толкового словаря (так ли уж много случайно не зафиксированного остается за его пределами?) любой составленный, изданный словарь детской речи буквально тонет в лавинах новых и новых, неизбежно остающихся за его бортом очаровательных детских высказываний. И тем не менее записывать, собирать надо.

И еще одно пояснение. Само слово «словарь» ко многому обязывает его составителей. В спорах о происхождении, произношении, написании, употреблении того или иного слова рядовой носитель языка обращается к словарю как к арбитру, авторитету. Хотим мы того или нет, но уважительное отношение к самому жанру словаря распространяется на все типы словарей. Поэтому включать в словари нецензурные (непечатные) слова и тем самым как бы закреплять права таких слов мы считаем недопустимым, даже если дети и произносят всю эту лексику. «Пусть это приходит в мир

и даже царит в мире, — но не через меня», — сказал, хотя и по другому поводу, по поводу лжи, А. И. Солженицын. Составители словаря в какой-то степени выполняют функцию фильтра, стремясь передать в будущее не совсем то, что получили из прошлого.

Изучение детской речи поможет постичь философию детства, осмыслить, что же даст нам изучение детства. Понятие «ребенок» так тесно сопряжено с понятием «воспитание», что о других связях этого слова мы подчас и не подозреваем. Успех политических и экономических нововведений в стране во многом, если не напрямую, зависит от состояния науки, развития культуры, значимости религии. Необходимо уже сейчас наметить плоскости сопряжения науки и детства, религии и детства, культуры и детства. Попытки такого соприкосновения, соучастия, состыковки уже есть. Необходимо их теоретическое осмысление, расширение их форм и... не ожидание быстрых результатов. Оберегая и обогащая любовью детей, созидая и создавая мир для детей, делая все возможное, читатель, останемся мудрыми стойками в ожидании всходов, не будем выкапывать семечко, чтобы узнать, почему оно сегодня не проросло.